

ЛІТЕРАТУРА

1. Английская литература 1945 – 1980 / [отв. редактор А. П. Саруханян]. – М. : Наука, 1987. – 490 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) / Арнольд И. В. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Гальперин И. Р. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
5. Динамов С. Б. Герберт Уэллс / С. Б. Динамов // Динамов С. Б. Зарубежная литература. – М. : Художественная литература, 1960. – С. 233–257.
6. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С. А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2004. – № 9: Проблеми прикладної лінгвістики. – С. 81–92.
7. Лосев А. Ф. Философия имени / Лосев А. Ф. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
8. Лотман Ю. М. Теория литературы / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб : Искусство-СПБ, 1997 // <http://aptechka.agava.ru/index.html>.
9. Новикова Н. М. Взаимодействие топонимической и антропоцентрической подструктур в структуре художественного текста / Н. М. Новикова // Художний текст в культурному, філологічному та лінгвістичному аспектах: міжвуз. конф. : тези доп. – К. : КДПШМ. – 1991. – С. 49–51.
10. Прието А. Из книги „Морфология романа”. Нарративное произведение / А. Прието // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 370–399.
11. Скурлатов В. И. О творчестве Рея Бредбери / В. И. Скурлатов // Бредбери Р. О. скитаниях вечных и о Земле / [сост. В. И. Скурлатов]. – М. : Правда, 1988. – С. 643–653.
12. Тамарченко Е. Уроки фантастики / Е. Тамарченко // В мире фантастики : сб. статей и очерков о фантастике. – М. : Молодая гвардия, 1989. – С. 130–151.
13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – XLVI, 190 p.
14. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ ФАКТИЧНОГО МАТЕРІАЛУ

1. *Bradbury, R. Fahrenheit 451* // Bradbury, R. Fahrenheit 451. Short Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 1981. – P. 27–162.
2. *Wells, H. G. The Time Machine* // Wells, H. G. The Time Machine. The Invisible Man. Short Stories. Essays. – Moscow: Progress Publishers, 1981. – P. 37–124.

Одержано редакцією 14.09.2008

Прийнято до друку 17.11.2008

УДК 811.161'559.3

Л. М. Кулешова

МОДАЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Стаття присвячена явищу мовної модальності оцінки в історичному тексті. На основі аналізу тексту історичного твору М.М.Молчанова «Дипломатія Петра Першого» виявлено внутрішньофразові та текстові модальні засоби і зроблено висновки щодо специфіки модальності оцінки в даному тексті.

Ключові слова: модальність, оцінка, внутрішньофразові модальні засоби, текстові модальні засоби.

Статья посвящена явлению языковой модальности оценки в историческом тексте. На основе анализа текста исторического произведения Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Первого» выделены внутрифразовые и текстовые модальные средства и сделаны выводы о специфике модальности оценки в данном тексте.

Ключевые слова: модальность, оценка, внутрифразовые модальные средства, текстовые модальные средства.

The article deals with the phenomenon of language evaluation modality in historical text. The phrasal and textual means of evaluation modality are marked out in the text of N. N. Molchanov's work «The Diplomacy of Peter the First» and conclusions are made about specific character of evaluation modality in the text.

Key words: modality, evaluation, phrasal and textual means of evaluation modality.

За последние десятилетия категория модальности прочно вошла в лингвистику. Оказалось, что без неё невозможно понять ни природу языка, ни его функционирование в речи. Не случайно изучение модальности является сейчас одним из интенсивно развивающихся направлений в науках о языке.

В понимании языковой модальности за время её изучения в лингвистике наблюдаются очевидные изменения. Происходит качественный переход от узкого её понимания к более широкому. Если первоначально модальность мыслилась как отношение содержания высказывания к действительности в рамках логических модальностей, выражаемых наклонениями глагола и модальными словами, то сейчас доминирует более широкое понимание модальности как отношения говорящего к содержанию высказывания. По мнению Н. Е. Петрова, «всякие попытки уточнить понятие языковой модальности и сузить её объём, исходя из требований логических операций, логической модальности, модальности суждения, не могут способствовать полному охвату разнообразных значений языкового материала, который можно было бы объединить грамматическим понятием модальности». Учёный отстаивает широкое понимание модальности, согласно которому она означает грамматически выражаемое отношение говорящего к действительности, т. е. его отношение к содержанию речи, к собеседнику, к самому себе, к обстановке и к форме речи. В этом случае понятие «модальность» включает и эмоционально-экспрессивную оценку говорящего [1, с. 15–17]. Г. П. Немец определяет модальность как выражение отношения «к тому, о чём сообщается; к тому, как сообщается; к тому, кому сообщается; и, наконец, к действительности» [2, с. 20]. Максимально широкое понимание модальности демонстрирует Б. В. Хрычиков [3, с. 23], который включает в объём категории модальности: а) отношение говорящего к сообщаемому в целом с точки зрения его достоверности по отношению к объективной действительности, в частности, оценка характера осуществления (проявления) предикативного признака; б) волевые отношения говорящего к собеседнику и к самому себе; в) выражение эмоционального отношения говорящего к действительности; г) отношение говорящего к процессу общения как объективной действительности. Таким образом, современное понимание модальности включает (не исключает, по крайней мере) любые отношения говорящего: и логические, и эпистемологические, и эмоциональные. Следует признать, что, чем шире становится понимание категории модальности, тем важнее и интереснее становится её изучение.

Стоит обратить внимание ещё на один аспект в понимании модальности. Модальное отношение принято локализовать в речевых единицах как модус высказывания, противопоставляя его содержательной части высказывания – диктуму или пропозиции. Тогда модальность, в основном, выражается вводными конструкциями. Но выражение отношения говорящего к содержанию высказывания является также частью содержания высказывания. С другой стороны – наличие оценки в пропозиции исключается,

следовательно, исключаются средства выражения модальности в диктальной части высказывания. Очевидно, что это противоречит языковой практике, когда оценку невозможно отделить от содержания высказывания в целом (например, в предложениях *Хороший сегодня день; Она – прекрасная хозяйка*). Целесообразно в этой связи различать экстенциональное и интенциональное содержание высказывания. Модус входит во второе, но не входит в первое. Модальность, поэтому, можно определить более точно: как *отношение говорящего к экстенциональному содержанию высказывания*. Она может быть реализована и внутри пропозиции (как в приведённых выше примерах). Именно таким пониманием модальности мы будем руководствоваться в нашей статье.

Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на интерес к категории модальности, модальные отношения изучены недостаточно. Интерес у лингвистов вызывают, в основном, отношения логико-эпистемологические. Так, в одной из немногих обобщающих работ по теории модальности «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» [4] в качестве синонимичного с *модальностью* понятия используется *оценка*, которую отождествляют в значительной мере с логическим отношением говорящего к содержанию высказывания. Выделяются оценки реальности-ирреальности, возможности, необходимости, желательности, достоверности, утверждения-отрицания. Наряду с перечисленными разновидностями логических оценок выделяются также эмоциональные и качественные оценки содержания высказывания [Там же, с. 67–68]. Заметим, что в тексте работы эмоционально-качественные оценки не представлены (как, очевидно, второстепенные, по мысли авторов). Такая классификация модальных отношений вызывает возражения. Во-первых, между модальностями, основанными на логических (или логико-эпистемологических) отношениях содержания и референта высказывания, с одной стороны, и эмоционально-оценочных отношениях говорящего к содержанию высказывания, с другой, имеется очевидное качественное различие. Представляется более целесообразным различить здесь два разных типа языковой модальности. Во-вторых, сведение оценки к эмоционально-качественной не проясняет сути дела. В сущности, речь идёт об оценках, основанных на ценностях, на ценностных представлениях и эталонах говорящего в отличие от выявления субъектом речи логических отношений в содержании высказывания. Таким образом, необходимо говорить о двух типах языковой модальности – логическом и аксиологическом. Эти два типа принципиально, качественно различны, они выражают основные отношения человека к миру: познавательное (логическое) и ценностное (аксиологическое).

Ценностное отношение человека к действительности реализуется в оценке. Оценка выражается в речевой деятельности посредством соотнесения референта высказывания с ценностным эталоном и выявления меры соответствия первого последнему. Выраженная в речи, она придаёт ей особое модальное значение. Необходимость изучения модальности оценки проистекает из её недостаточной изученности как особого языкового явления в том аксиологическом плане, который здесь предполагается.

Выраженная в речи оценка – сложное многостороннее явление, к которому необходим структурный подход. В структуре оценки следует выделить несколько определяющих сторон. Прежде всего, это содержание оценки, иначе говоря, её семантика. С семантической точки зрения, оценка может быть общей (нейтральной) и специализированной. Общие оценочные значения выражает весьма ограниченная лексика (*хорошо, плохо* и т.п.). Специализированная оценка зависит от вида ценностей, которые лежат в её основе. До сих пор считается не потерявшей значение классическая типология ценностей немецкого философа М. Шелера. По мнению российского философа В. К. Шохина, это наиболее системное за всю историю аксиологии осмысление принципа иерархизации ценностного [5, с. 58]. М. Шелер различает ценности приятного и неприятного, витальные (значимые для жизни ценности здоровья, безопасности и т. д.), духовные (этические и эстетические), религиозные ценности святости, веры, блаженства [5, с. 58–59]. Следует добавить к этой классификации ценности утилитарные, основанные на достижении успеха в определённых видах деятельности, которые следует отличать от чувственно приятного или неприятного в чистом виде. Мы будем, таким образом, выделять в значениях оценок чувственные,

вита́льные, утилитарные ценности (технические, социальные, политические), этические или морально-личностные (поскольку моральные качества неразрывно связаны с иными качествами личности, представляющими ценность), эстетические, религиозные. Оценки могут быть по своему значению абсолютными (*хорошо, плохо*) и относительными (*лучше, хуже*). Следует выделить также прямые оценки, в которых оценочное значение является главным или единственным, и коннотативные, в которых оценочное значение вторично, следует за каким-либо прямым значением.

Формой модальной оценки являются языковые единицы разной степени сложности. Можно назвать это грамматическими средствами реализации модальности. Они действуют как на уровне высказывания, так и на уровне текста. Модальное оценочное значение могут иметь морфемы (например, уменьшительные суффиксы), но они не являются предметом нашего исследования. К основным разновидностям модальных средств можно отнести субстантивные словосочетания (*хороший человек, замечательная идея, верх безобразия*) в позициях субъекта, предиката и объекта высказывания, а также адвербиальные словосочетания (*успешно завершить, блестяще исполнить, плохо подготовить*) в позиции предиката. Разумеется, являются средствами оценки вводные конструкции – вводные слова, словосочетания, предложения (*К счастью, всё обошлось; К моему огорчению, условия изменились; Она была, в лучшем смысле слова, хозяйка дома; Картину, имея в виду её ценность, тщательно охраняли*). Существует, как было показано З. Я. Тураевой в работе [6], помимо модальности высказывания особая текстовая модальность. Текстовая модальность возникает, когда оценка реализуется совокупностью высказываний в тексте, распространяется на текст или на его элементы – сверхфразовые единства. Практически все средства текстовой когезии – проспекция и ретроспекция, контекст, аллюзии, пресуппозиции, композиция текста, повторы, анафоры, противопоставления, членение текста – могут иметь модальное оценочное значение.

Важное значение имеет позиция оценки в речи. Для понимания оценки необходимо знать, откуда, из какой части высказывания она осуществляется и что именно оценивается. Поэтому как составную часть анализа выделим вопрос о локализации оценки, выявлении того места в структуре высказывания, где находится оценка. Теоретически, она может находиться в трёх положениях – в субъекте, в предикате, вне пропозиции (во вводной части предложения). Важно также знать, на что направлена оценка. Назовём это фокусом оценки, который также может находиться в субъекте и предикате, но не во вводной части высказывания. Локализация и фокус, естественно, не совпадают, но возможна (как мы увидим) локализация внутри субъекта или предиката и фокус, находящийся, соответственно, там же, в субъекте и предикате.

Модальность оценки имеет свой прагматический аспект: важно, кто оценивает и на каком основании осуществляется оценка. Основание может быть объективным, когда оценка осуществляется с точки зрения внеличных критериев, положения дел, которое складывается независимо от говорящего. Такую оценку назовём объективной. Возможна и субъективная оценка – с точки зрения личности, её мнений, пристрастий, убеждений, вкусов, настроений, чувственной интуиции. Субъективная оценка может быть авторской – с точки зрения автора, говорящего. Может передаваться говорящим оценка иного лица: реципиента, авторитетного лица или группы, оппонента (во вводной части) или субъекта высказывания (того, о ком сообщается).

Проблема языковой модальности оценки особо остро стоит в научном тексте. Для художественной или разговорной речи оценка естественна, в научной речи она – проблематична, сама её возможность уже вызывает вопрос. Особенно остро вопрос стоит в гуманитарных и социальных науках, в частности в исторических текстах, где ценности присутствуют не вне текста (как, скажем, в естественных науках), а в самом тексте. В научных кругах эта проблема широко обсуждается со времени М. Вебера, который, пожалуй, наиболее принципиально поставил вопрос о возможности оценок в социальных науках. Немецкий социолог и историк посвятил этой проблеме специальное исследование – «Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической литературе» [7, с. 547–601].

Общий вывод М. Вебера таков: оценки в социальных науках возможны, но должны быть отделены от изложения фактов и их логических взаимосвязей [Там же, с. 548]. Проблема границ и способов оценки в социально-научных текстах, однако, этим не снимается. В этой связи следует признать особую необходимость лингвистического изучения исторических текстов в плане реализации в них модальности оценки.

Анализ избранного текста (объём 17 страниц) нацелен на фиксацию оценки и способов её выражения в рамках высказывания, сверхфразового единства, распространения её на другие фрагменты текста и весь текст главы в целом.

Задачей нашей статьи является разработка возможных подходов к изучению модальности оценки в русскоязычном историческом тексте. В качестве объекта исследования взят текст работы советского историка Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Первого» (1984). Тема работы удобна для изучения в аспекте модальности оценки, поскольку связана с неизбежным для любого исследователя вопросом о значении и ценности петровских преобразований. Изучению подвергнута глава «Великое посольство» [8, с. 64–80] указанной работы. В статье разобраны в качестве образца предпринятой методики наиболее репрезентативные части текста. Порядок изложения следующий: сначала подаются выделенные курсивом фрагменты, за ним следует описание оценочных параметров, которое ведётся по намеченным выше направлениям структурного анализа модальной оценки. Завершается статья обсуждением полученных результатов изучения текста исторического исследования.

Фрагмент 1. (С.64) *В истории дипломатии трудно найти столь знаменательное предприятие, каким оказалось русское Великое посольство в Западную Европу 1697—1698 годов. С точки зрения достижения конкретных внешнеполитических задач, поставленных перед этим посольством, оно завершилось неудачей. Однако по своим реальным практическим последствиям оно имело поистине историческое значение прежде всего для отношений между Россией и европейскими странами, а в дальнейшем для судьбы всей Европы. ...Необычность этого предприятия выразилась прежде всего в том, что впервые в Европу отправился русский царь собственной персоной. ...Необычно и то, что Петр ехал официально не как царь, а в звании урядника Преображенского полка.*

В приведённом отрывке присутствует лексика с семантикой общих оценок: *знаменательное предприятие, необычность, необычно*; утилитарных оценок: *неудача, историческое значение*. Все оценки абсолютные. Оценки прямые, не являются коннотациями к прямым значениям лексических единиц. С грамматической точки зрения они представляют собой адъективно-субстантивные словосочетания (*знаменательное предприятие, историческое значение*) в синтаксических позициях предиката и объекта высказывания. Кроме того, оценки выражаются именем в позиции субъекта высказывания (*необычность*), краткой формой имени прилагательного в роли сказуемого (*необычно*). Оценка, выраженная в первом предложении, очевидно, задаёт текстовое модальное значение. Последующие предложения абзаца раскрывают смысл этой оценки и соответствуют ей. Здесь мы имеем дело с перспективой, как средством текстовой модальности оценки. Оценка в первом предложении фокусируется на контексте высказывания, выраженным подчинённым предложением данной синтаксической конструкции и последующими предложениями. В последующих предложениях оценка локализуется в предикате, а фокусом оценки является субъект высказывания – анафора *оно* к словосочетанию *Великое посольство*. В предпоследнем предложении оценка локализована в субъекте, фокусом её является комплекс предиката и подчинённого предложения (*выразилась в том, что...*). С прагматической точки зрения все оценки объективные, отражают не авторское или чьё-либо ещё восприятие, а действительное положение дел.

Фрагмент 2. (С. 65–66) *... Поскольку лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, надо самому посмотреть на Европу. ... Но коли уж официально это было дипломатическое мероприятие, именовавшееся посольством, первым делом Петр засадил за работу Посольский приказ... ...Однако наказ великим послам, составленный Посольским приказом в духе старомосковской дипломатии, педантично излагал традиционные правила*

дипломатического протокола. В нем предписывалось всё; когда и какие поклоны делать, стоять или сидеть, снимать головной убор или не снимать, как титуловать великого государя и т. п. Но этот формальный документ в действительности был данью обветшалым, громоздким, подчас нелепым и смешным обычаям допетровской дипломатии. Настоящий, реальный, практический наказ был собственноручно написан самим Петром и не имел ничего общего со старым, в котором сообщалось все, кроме существа дела. Он отличался предельной конкретностью, лаконизмом и являлся документом совершенно необычного характера. Посольству предписывалось нанять на русскую службу иностранных морских офицеров и матросов. ... Далее следовал целый список оружия, материалов для производства вооружения – все вплоть до тканей на морские флаги. Таким образом, посольству поручалась миссия, до этого неслыханная в истории не только русской, но и мировой дипломатии.

Новшества в дипломатической практике отразились, например, в указе от 22 декабря 1696 года о так называемых «богословиях» Речь шла об отмене старой традиции, по которой перед титулом государя в международных документах писалось пространное изложение понятия верховного божества, его всемогущества и власти. ... Претенциозный и бесполезный набор слов Петр заменил краткой формулой: «государь милостью божьей». Словом, царь начал изгонять из практики дипломатии бесполезные, бессмысленные тексты и ритуалы. ...

В этой части текста представлена семантика общих оценок (*лучше; необычного характера, миссия, до этого неслыханная*), а также утилитарных оценок (*обветшалым, громоздким, подчас нелепым и смешным обычаям; настоящий, реальный, практический наказ; претенциозный и бесполезный набор слов; бесполезные, бессмысленные тексты и ритуалы*). Появляется относительная оценка (*лучше*), но все остальные – абсолютные. Прямые оценки (*лучше; необычного характера, миссия, до этого неслыханная; бесполезный; бесполезные*) чередуются с коннотативными, в которых оценочное значение практической малоценности вторично по отношению к значению старости (*обветшалым*), размера (*громоздким*), эмоционального впечатления (*нелепым и смешным; претенциозный*), реальности (*настоящий, реальный*), смысла (*бессмысленные*). Грамматические средства представлены адвербиальными (*лучше увидеть*) и субстантивными словосочетаниями: (*обветшалым, громоздким, подчас нелепым и смешным обычаям; настоящий, реальный, практический наказ; документ совершенно необычного характера; миссия, до этого неслыханная; претенциозный и бесполезный набор слов; бесполезные, бессмысленные тексты и ритуалы*). Текстовая модальность оценки определяется здесь средствами ретроспекции. Таковыми выступают предложения: *Таким образом, посольству поручалась миссия, до этого неслыханная в истории не только русской, но и мировой дипломатии; Словом, царь начал изгонять из практики дипломатии бесполезные, бессмысленные тексты и ритуалы*, в которых модальная оценка относится не только к содержанию высказывания, но всего абзаца. Оценка, таким образом, фокусируется на контексте высказывания – описываемой ситуации. В других предложениях модальные оценки локализованы в предикатах и, таким образом, сфокусированы на субъектах высказываний. Оценивается *формальный документ*, анафорически выраженный субъект – наказ Петра (*он*). В некоторых предложениях оценки входят в состав субъекта (*настоящий, реальный, практический наказ*) или в состав объекта высказывания (*претенциозный и бесполезный набор слов*) и фокусируются, соответственно, на предикате (*был написан и не имел ничего общего*) и на самом объекте как части предиката (*Петр заменил претенциозный и бесполезный набор слов*). Поскольку в приведённом тексте много коннотативных оценок, то они выражают, скорее, авторское, субъективное отношение, хотя оно, по мнению автора, и отвечает действительному положению дел.

Фрагмент 3. (С. 70) *В то время разрыв в экономическом, социальном, культурном состоянии России и Западной Европы был весьма значительным. В Голландии и Англии уже произошли буржуазные революции, зарождались разные формы политического парламентаризма. Развивалась политическая мысль, начиная с Макиавелли и кончая*

Томасом Гоббсом, Уже давно создал свои труды Гуго Гроций («О праве войны и мира» напечатали еще в 1625 году), в это время выдвигал свои правовые теории Пуфендорф. Дж. Локк, Б. Спиноза представляли философию... Был расцвет классицизма. Творили Корнель, Расин, пьесы Мольера, умершего в 1673 году, с триумфом ставились на всех сценах. Лафонтен уже создал свои басни. Рождалась классическая музыка в творениях Перселля, Люлли, Куперена и Корелли. ... Завершили свое творчество великие художники Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Франс Гальс, Веласкес, Рейсдал, Мурильо. Теперь создавали свои полотна многочисленные ученики. Ученые Европы освобождались от религиозных догм и предпочитали опираться на опыт и факты. Декарт разрабатывал начертательную геометрию. Бойль изучал давление и плотность газов. Левенгук потряс всех микроскопом с 300-кратным увеличением. Лейбниц разработал дифференциальное исчисление... .

В этой части текста присутствует одна утилитарная оценка – высокого уровня развития Европы и низкого уровня России в XVII веке. Примечательно то, что весь текст, за исключением первого предложения, где выражена прямая оценка (*значительный разрыв*), представляет собой последовательность непрямых коннотативных оценок. Все пропозиции, относящиеся к фактам политических, философских, художественных и научных достижений Западной Европы, не имеют прямого оценочного значения. В то же время их очевидная функция – выразить высокий уровень развития европейской культуры, дать оценку этого уровня. Таким образом, референты высказываний здесь служат в качестве мер или эталонов оценки. Грамматическими средствами оценки оказываются предложения в целом, в которых модус совпадает с диктумом, и различается только интенционально, то есть указывает на разные признаки описываемого объекта (европейской культуры). Указанные предложения можно также определить как текстовые модальные средства – аллюзии. Они отсылают к известным читателям явлениям, играющим роль культурных эталонов. Фокусирование оценки, естественно, осуществляется на ситуации в целом. Оценка имеет объективный характер.

Фрагмент 4. (С. 73) ...7 мая Петр вместе с волонтерами прибыл в Кенигсберг.

(С. 74) ...В социальном отношении это была, пожалуй, самая реакционная, отсталая часть Германии. ...Плоды чудовищной эксплуатации, вернее грабежа подданных, или в основном на содержание армии, а при Фридрихе III – на непомерную, крикливую, просто фантастическую роскошь двора. Хотя этот курфюрст располагал неизмеримо меньшими ресурсами, чем Франция, он стремился не уступать по пышности и внешнему богатству самому блестящему тогда в Европе двору «короля-солнца» Людовика XIV. Именно этим он и попытался завоевать расположение Петра. ... Однако Петр, несмотря на свою крайнюю дипломатическую неопытность, поразительно быстро разгадал игру своего изоциренного новоявленного «друга», еще когда смотрел на это великолепие из окна кенигсбергского замка, стоя рядом с курфюрстом.

Оценки семантически разнообразны. Есть утилитарные (социально-политические): *реакционная, отсталая часть; неизмеримо меньшими ресурсами*), имеются морально-личностные оценки (*чудовищной эксплуатации, вернее грабежа; крайнюю дипломатическую неопытность; изоциренного новоявленного «друга»*). Некоторые оценочные лексемы можно определить как эстетические: *непомерную, крикливую, просто фантастическую роскошь; пышности и внешнему богатству; самому блестящему в Европе двору; великолепие*. Все оценки абсолютны. В основном это прямые оценки, к коннотативным можно отнести оценочные значения лексем *крикливый, пышный*. Грамматические средства модальной оценки здесь довольно однообразны. Повторяются именные конструкции: *самая реакционная, отсталая часть; чудовищной эксплуатации; непомерную, крикливую, просто фантастическую роскошь; самому блестящему двору; изоциренного новоявленного «друга»*. Имеются словосочетания, в которых оценка субстантивируется: *грабежа подданных; пышности и внешнему богатству; дипломатическую неопытность*, а также адвербиальные: *поразительно быстро разгадал*. Вся эта часть текста построена на модальном контрасте оценок внешней красоты и величия и внутренней уродливости и зла. Повторяющееся противопоставление оценок выступает здесь как средство текстовой модальности.

Используется в этих целях иносказание (*новоявленного «друга»*), аллюзия («*король-солнце*»). Модальные оценки локализованы в субъекте (*плоды чудовищной эксплуатации, вернее грабежа подданных*), а чаще – в объекте и предикате высказываний (*это была, пожалуй, самая реакционная, отсталая часть Германии; или на непомерную, крикливую, просто фантастическую роскошь двора; он стремился не уступать по пышности и внешнему богатству самому блестящему тогда в Европе двору; поразительно быстро разгадал; смотрел на это великолепие*). При этом, поскольку оценки относятся к части субъекта или предиката, их фокус находится в пределах той части высказывания, где локализуются оценки. Оцениваются *плоды эксплуатации, роскошь двора, поразительная быстрота разгадки* и т. д. Большинство оценок субъективны, они выражают, прежде всего, не объективное положение дел, а мнение, правда, не только авторское, скорее, общее мнение об описываемых явлениях.

(С. 74) ... *Борьба с Турцией представляла для Бранденбурга интерес лишь тем, что ослабляла соседнюю Польшу. У него были другие задачи, сформулированные в проекте союзного договора, врученного московским послам 24 мая и состоявшего из семи пунктов.*

(С. 75) ...*Одна из этих статей (седьмая в проекте договора) внешне выглядела довольно безобидно. Курфюрст Бранденбургский добивался, чтобы его послов принимали при московском дворе на уровне королевских, то есть как послов Франции, Швеции или Австрии и других крупнейших государств. За этим скрывалось соперничество Фридриха с главой империи, в состав которой он входил, и стремление к уравниванию с ним в правах. Если бы Россия согласилась на это, то тем самым она явно вызвала бы недовольство Вены – своего главного союзника в войне с Турцией. ... Еще более важное значение имели разногласия по статье второй, предусматривавшей заключение оборонительного союза между двумя государствами и обязательство взаимной помощи при нападении на одну из них. ...Если бы Петр согласился на требования курфюрста, то он действовал бы вопреки мирному договору со Швецией. ... Еще одно требование – гарантия Москвой владения Пруссией – также таило опасность возродить против себя Польшу. Поэтому указанные статьи русские отклонили. Однако все же надо было сохранить дружественные отношения с Бранденбургом. ... Во время переговоров с курфюрстом 9 июня Петр нашел оригинальный выход из положения. Чтобы не вызвать опасений и враждебности Швеции, Петр предложил не включать в письменный текст статью о союзе, но договориться об этом устно, закрепив союз только словесным обещанием двух партнеров. ...*

(С. 76) *Таким образом, заключив официально не союзный, а всего лишь дружественный договор, Петр проявил дипломатическую изобретательность, предусмотрительность и осторожность, поразительную при его дипломатической неопытности и молодости. ...Но, пожалуй, гораздо более важным представляется изменение не формы, а существа внешней политики. Правда, речь еще не шла об окончательном решении. ... Вероятно, Петр мучился сомнениями, не совершает ли он дипломатическую ошибку, сближаясь с курфюрстом и раньше времени обнаруживая свои намерения в отношении Балтики. Во всяком случае, все это в целом показывает, насколько серьезно относился Петр к дипломатии и как близко к сердцу он принимал затруднения в этой области. ...*

Этот фрагмент интересен тем, что среди семантических разновидностей оценок можно выделить витальные оценки, несущие значение опасности-безопасности (*выглядела довольно безобидно; таило опасность*). Имеются также общие оценки (*важное значение; гораздо более важным*). К морально-личностному типу можно отнести *оригинальный выход; дипломатическую изобретательность, предусмотрительность и осторожность, поразительную при его дипломатической неопытности и молодости; серьезно относился; близко к сердцу принимал*). К утилитарным оценкам – *совершает дипломатическую ошибку*. Здесь также наряду с абсолютными оценками встречается относительная (*гораздо более важным*). Все оценки в этой части текста – прямые. Среди внутрифразовых модальных средств преобладают глагольно-адвербиальные и глагольно-объектные словосочетания (*выглядела довольно безобидно; иметь важное значение; таило опасность; нашел*

оригинальный выход; проявил дипломатическую изобретательность, предусмотрительность и осторожность; представляется важным; совершает дипломатическую ошибку; серьезно относился; близко к сердцу он принимал). Локализованные внутри предиката, они фокусируют оценку либо на субъекте (*одна из этих статей; разногласия по статье второй; еще одно требование; изменение не формы, а существа*), либо на объекте высказывания (*выход из положения; изобретательность, предусмотрительность и осторожность; его дипломатической неопытности и молодости; ошибку; к дипломатии*). В этой части текста модальное значение получают условные предложения (*если бы..., то*), референтом которых являются возможные последствия принятий предложенных России Бранденбургом статей договора. Модальное значение этих предложений обусловлено ранее данной оценкой соответствующих статей. В то же время, условная синтаксическая конструкция играет здесь роль модального средства, усиливающего и эксплицирующего оценку. Оценки, в целом, объективны, они основаны на связи между определёнными действиями (принятием статей договора) людей и последствиями этих действий. Субъективными являются оценки действий Петра (*оригинальный выход; Петр проявил дипломатическую изобретательность, предусмотрительность и осторожность, поразительную при его дипломатической неопытности и молодости*), здесь очевидна авторская эмоциональная реакция как основа оценки. Эксплицитно субъективное основание оценки выражено в предложении *Но, пожалуй, гораздо более важным представляется изменение не формы, а существа внешней политики*. В последних предложениях модальность оценки приобретает характер особой косвенной субъективности, даются оценки с точки зрения не автора, а субъекта высказывания, царя Петра: *Вероятно, Петр мучился сомнениями, не совершает ли он дипломатическую ошибку; все это в целом показывает, насколько серьезно относился Петр к дипломатии и как близко к сердцу он принимал затруднения в этой области*. Во втором из этих предложений оценка двойная: оценка дипломатии Петром и оценка автором серьёзности отношения Петра к дипломатии, притом средства авторской оценки даны прямо, а оценка субъекта высказывания проявляется через них как их вторичное значение.

Выделим основные особенности модальности оценки в проанализированном тексте. В семантике исследуемого исторического текста преобладают (как и следовало ожидать) утилитарные оценки. Связаны они с историческим значением описываемых событий. Ценностями, в соответствии с которыми оцениваются события и люди, являются уровень развития страны, политические и дипломатические успехи. Общие оценки привязаны к утилитарным (лексемы *значение, важность, необычность, лучше* подразумевают их сочетаемость с терминами *исторический, политический, социальный*). То же можно сказать о витальных оценках (оценки *опасно, безопасно* контекстуально связаны не с понятием *жизни* отдельного человека, а с понятием *существования, развития страны*). Морально-личностные оценки встречаются довольно часто, касаются, в основном, личности царя Петра и имеют определённую семантическую двойственность – выражают как самостоятельную (независимую от неморальных факторов) моральную оценку (*чудовищная эксплуатация, новоявленный «друг»*), так и вторичную моральную оценку, производную от историко-политического значения деятельности Петра (*дипломатическую изобретательность, предусмотрительность и осторожность, поразительную при его дипломатической неопытности и молодости*). Эстетическая оценка появляется спорадически, в специфическом контексте (когда речь идёт о пышности двора курфюрста Бранденбургского).

Почти все оценки абсолютны, сравнительных оценок в изученном тексте крайне мало. Автор, очевидно, уклоняется от прямого, слишком грубого для добросовестного исследователя сравнения исторических явлений, народов и личностей. Преобладают прямые оценки, что требуется научным стилем текста. Однако достаточно часты и коннотативные оценки, выражающие образное, эмоциональное восприятие автором исторического материала. Очевидно, что такое, умеренное употребление коннотативных оценок, метафор, образов допускается текстом, повествующим о живой истории (в этом историографический

стиль близок публицистическому). Уже в социологическом тексте вряд ли такое допущение было бы возможно.

Внутрифразовые грамматические средства оценки представлены субстантивными и реже – адвербиальными словосочетаниями. Несколько удивляет полное отсутствие вводных конструкций, но это, по-видимому, свойство авторского стиля. Модальные оценки в высказываниях локализованы как в субъекте, так и в предикате. Оцениваются как субъекты высказываний – личности, социальные группы, государства, о которых идёт речь, так и предикаты – действия, отношения, качества субъектов. Присутствуют внутрисубъектные (*настоящий, реальный, практический наказ*) и внутрипредикатные оценки (*Пётр заменил претенциозный и бесполезный набор слов*). Достаточно часто оценка касается контекста, оценивается ситуация, частью которой является содержание высказывания с модусом. Модальность оценки широко используется на текстовом уровне, средства текстовой когезии часто имеют оценочное значение. Встречаются проспекция и ретроспекция, анафоры, аллюзии, создающие контекстуальное единство, композиционное противопоставление частей текста с разными оценочными значениями.

С прагматической точки зрения в тексте достаточно определённо выделяются две группы оценок – объективные и субъективные. Первые отражают отношения значимости между разными элементами исторического процесса. Вторые выражают, как правило, авторскую оценку событий и личностей. Возможно толкования части субъективных оценок как мнения референтной (для автора и читателя) группы, присутствуют и оценки с точки зрения субъекта высказывания. Объективные и субъективные оценки не противопоставляются, не противоречат друг другу, находятся в отношении взаимного дополнения. Такая система оценок сообщает единство модальному значению текста и должна, очевидно, служить достижению целостности исторической концепции автора.

Подведём итоги. В статье было проанализировано явление языковой модальности оценки в тексте исторической работы Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Первого». Модальные оценки, выделенные в указанном тексте, рассматривались в нескольких структурных аспектах: семантическом, в аспекте грамматических средств выражения оценки – внутрифразовых и текстовых, в аспекте локализации и фокуса оценки, а также прагматического основания оценки. Были выделены модальные особенности текста Н. Н. Молчанова. К ним следует отнести преобладание утилитарных, историко-политических оценок и привязка к ним оценок других семантических разновидностей; наличие наряду с прямыми коннотативных оценок; использование внутрифразовых средств оценки внутри пропозиции, в диктальной части высказывания; широкое использование средств когезии в тексте для выражения текстовой модальности оценки; взаимное дополнение объективных и субъективных оценок. Наличие и характеристика этих оценок в тексте выявляет общую авторскую оценку реформ Петра. Способы выражения (адъективно-субстантивные словосочетания, адвербиальные, субстантивные, проспекция и ретроспекция, анафоры, аллюзии, отсутствие вводных конструкций) отражают манеру мысли автора исторического текста.

Проведённое исследование выявило ряд проблем, которые могут стать предметом дальнейшего анализа в области модальности оценки. Речь идёт о возможности использования в историческом тексте иных видов модальной оценки, о взаимовлиянии внутрифразового и текстового уровней модальности, о специфике модальной оценки в текстах разных исторических жанров и авторских стилях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Н. Е. О содержании и объёме языковой модальности / Петров Н. Е. – Новосибирск : Наука, 1982. – 149 с.
2. Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Немец Г. П. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1991. – 187 с.
3. Хрычиков Б. В. Категория модальности, её объём и средства выражения в современном русском языке / Хрычиков Б. В. – К. : Вища школа, 1992 – 214 с.

4. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.
5. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / Шохин В. К. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.
6. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.
7. Вебер М. Избранные произведения / Макс Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
8. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого / Молчанов Н. Н. – М. : Международные отношения, 1984. – 426 с.

Одержано редакцією 15.05.2008

Прийнято до друку 17.11.2008

УДК 811.161'373

И. Н. Литвин

АССОЦИАТИВНО-МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СФЕРА КОНЦЕПТА *ОГОНЬ* В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

У статті досліджується асоціативно-метафорична сфера концепту ВОГОНЬ у поезії Срібного віку, представлена метафорою. Механізм концептуальної метафори пояснюється зближенням реціпієнтної та донорської сфер.

Ключові слова: *концепт, концептуальна метафора, донорська сфера, реціпієнтна сфера.*

В статье рассматривается ассоциативно-метафорическая сфера концепта ОГОНЬ в поэзии Серебряного века, представленная метафорой. Механизм концептуальной метафоры объясняется на основе соположения области-цели (реципиентной зоны) и области-источника (донорской зоны).

Ключевые слова: *концепт, ментально-психонетический комплекс, концептуальная метафора, донорская зона, реципиентная зона.*

The article investigates associative-metaphorical area of Fire concept in poetry of Silver age represented by metaphor. The mechanism of conceptual metaphor is explained with the rapprochement of recipient and donor areas.

Key words: *concept, conceptual metaphor, donor area, recipient area.*

Концепт как информационная структура сознания, разносубстратная по способам формирования и представления знаний об окружающем мире, является объектом изучения ряда работ (Ю. Апресян, Д. Лихачов, М. Никитин, Е. Кубрякова, Р. Фрумкина, В. Телия, Е. Селиванова, А. Бабушкин, Ю. Степанов, Г. Гачев, Стернин, З. Попова, В. Маслова, Р. Павиленис, А. Вежбицка, Р. Джекендофф, Ф. Джонсон-Лерд и др.). Е. Селиванова приравнивает концепт к модели ментально-психонетического комплекса, который включает пропозитивную часть (диктум), модус как аксиологический признак концепта и ассоциативно-терминальную часть, которая сформировалась на основе связей диктума с другими ментально-психонетическими комплексами, а также множественные реляции с другими психическими функциями и проявлениями: ощущениями, чувствованиями, интуицией, образами и т. д. [7, с. 114]. Такое понимание концепта является базовым в нашей статье, **цель** которой – описание ассоциативно-метафорической сферы концепта ОГОНЬ в поэзии Серебряного века. Для реализации данной цели используем концептуальный анализ, который рассматриваем как «главный метод логического анализа языка, основанный на